

Джонатан Свифт

ПУТЕШЕСТВИЯ ГУЛЛИВЕРА

Джонатан Свифт

Путешествия Гулливера

Серия «Яркая ленточка»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68606641

Путешествия Гулливера / Джонатан Свифт, перевод Тамара Габбе,

рисунки Натальи Демидовой: Антикус; Москва; 2021

ISBN 978-5-389-22369-1

Аннотация

Джонатан Свифт – англо-ирландский писатель-сатирик и поэт. Всемирную популярность ему принёс роман «Путешествия Гулливера» – захватывающая история невероятных приключений корабельного врача Лемюэля Гулливера в Лилипутии – стране лилипутов и в Бробдингнеге – стране великанов. Со дня первого издания книги прошло почти 300 лет, но события, разворачивающиеся на её страницах, по-прежнему волнуют воображение читателей, увлекая в фантастические путешествия вместе с главным героем. Роман переведён на многие языки и неоднократно экранизировался.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Часть первая

8

Конец ознакомительного фрагмента.

65

Джонатан Свифт Путешествия Гулливера

Пересказала с английского для детей

Тамара Габбе

Художник

Наталья Демидова

© Оформление. ООО «Издательство Атиккус», 2021

Часть первая

Путешествие в Лилипутию

I

Трёхмачтовый бриг «Антилопа» отплывал в Южный океан.

На корме стоял корабельный врач Гулливер и смотрел в

подзорную трубу на пристань. Там остались его жена и двое детей: сын Джонни и дочь Бетти.

Не в первый раз отправлялся Гулливер в море. Он любил путешествовать. Ещё в школе он тратил почти все деньги, которые присылал ему отец, на морские карты и на книги о чужих странах. Он усердно изучал географию и математику, потому что эти науки больше всего нужны моряку.

Отец отдал Гулливера в учение к знаменитому в то время лондонскому врачу. Гулливер учился у него несколько лет, но не переставал думать о море.

Врачебное дело пригодилось ему: кончив учение, он поступил корабельным врачом на судно «Ласточка» и плывал на нём три с половиной года. А потом, прожив года два в Лондоне, совершил несколько путешествий в Восточную и Западную Индию.

Во время плавания Гулливер никогда не скучал. У себя в каюте он читал книги, взятые из дому, а на берегу приглядывался к тому, как живут другие народы, изучал их язык и обычаи.

На обратном пути он записывал дорожные приключения. И на этот раз, отправляясь в море, Гулливер захватил с собой толстую записную книжку.

На первой странице этой книжки было написано:
«4 мая 1699 года мы снялись с якоря в Бристоле».

II

Много недель и месяцев плыла «Антилопа» по Южному океану. Дули попутные ветры. Путешествие было удачное.

Но вот однажды, при переходе в Восточную Индию, корабль настигла страшная буря. Ветер и волны погнали его неизвестно куда.

А в трюме уже кончился запас пищи и пресной воды.

Двенадцать матросов умерли от усталости и голода. Остальные едва передвигали ноги. Корабль бросало из стороны в сторону, как ореховую скорлупку.

В одну темную, бурную ночь ветер понес «Антилопу» прямо на острую скалу. Матросы заметили это слишком поздно. Корабль ударился об утёс и разбился в щепки. Только Гулливеру и пяти матросам удалось спастись в шлюпке.

Долго носились они по морю и наконец совсем выбились из сил. А волны становились всё больше и больше, и вот самая высокая волна подбросила и опрокинула шлюпку.

Вода покрыла Гулливера с головой.

Когда он вынырнул, возле него никого не было. Все его спутники утонули.

Гулливер поплыл один куда глаза глядят, подгоняемый ветром и приливом. То и дело пробовал он нащупать дно, но дна всё не было. А плыть дальше он уже не мог: намокший кафтан и тяжёлые, разбухшие башмаки тянули его вниз. Он захлёбывался и задыхался.

И вдруг ноги его коснулись твёрдой земли.

Это была отмель. Гулливер осторожно ступил по песчаному дну раз-другой – и медленно пошёл вперёд, стараясь не оступиться.

Идти становилось всё легче и легче. Сначала вода доходила ему до плеч, потом до пояса, потом только до колен. Он уже думал, что берег совсем близко, но дно в этом месте было очень отлогое, и Гулливеру ещё долго пришлось брести по колено в воде.

Наконец вода и песок остались позади.

Гулливер вышел на лужайку, покрытую очень мягкой и очень низкой травой. Он опустился на землю, подложил под щёку ладонь и крепко заснул.

III

Когда Гулливер проснулся, было уже совсем светло. Он лежал на спине, и солнце светило прямо ему в лицо.

Он хотел было протереть глаза, но не мог поднять руку; хотел сесть, но не мог пошевелиться.

Тонкие верёвочки опутывали всё его тело от подмышек

до колен; руки и ноги были крепко стянуты верёвочной сеткой; верёвочки обвивали каждый палец. Даже длинные густые волосы Гулливера были туго намотаны на маленькие колышки, вбитые в землю, и переплетены верёвочками.

Гулливер был похож на рыбу, которую поймали в сеть.

«Верно, я ещё сплю», – подумал он.

Вдруг что-то живое быстро вскарабкалось к нему на ногу, добралось до груди и остановилось у подбородка.

Гулливер скосил один глаз.

Что за чудо! Чуть ли не под носом у него стоит человечек – крошечный, но самый настоящий человечек! В руках у него – лук и стрела, за спиной – колчан. А сам он всего в три пальца ростом.

Вслед за первым человечком на Гулливера взобралось ещё десятка четыре таких же маленьких стрелков.

От удивления Гулливер громко вскрикнул.

Человечки заметались и бросились врассыпную.

На бегу они спотыкались и падали, потом вскакивали и один за другим прыгали на землю.

Минуты две-три никто больше не подходил к Гулливеру. Только под ухом у него всё время раздавался шум, похожий на стрекотание кузнечиков.

Но скоро человечки опять расхрабрились и снова стали карабкаться вверх по его ногам, рукам и плечам, а самый смелый из них подкрался к лицу Гулливера, потрогал копьём его подбородок и тоненьким, но отчётливым голоском про-

кричал:

– Гекина дегуль!

– Гекина дегуль! Гекина дегуль! – подхватили тоненькие голоса со всех сторон.

Но что значили эти слова, Гулливер не понял, хотя и знал много иностранных языков.

Долго лежал Гулливер на спине. Руки и ноги у него совсем затекли.

Он собрал силы и попытался оторвать от земли левую руку.

Наконец это ему удалось.

Он выдернул колышки, вокруг которых были обмотаны сотни тонких, крепких верёвочек, и поднял руку.

В ту же минуту кто-то внизу громко пропищал:

– Только фонак!

В руку, в лицо, в шею Гулливера разом вонзились сотни стрел. Стрелы у человечков были тоненькие и очень острые как иголки.

Гулливер закрыл глаза и решил лежать не двигаясь, пока не наступит ночь.

«В темноте будет легче освободиться», – думал он.

Но дожждаться ночи на лужайке ему не пришлось.

Недалеко от его правого уха послышался частый, дробный стук, будто кто-то рядом вколачивал в доску гвоздики.

Молоточки стучали целый час.

Гулливер слегка повернул голову – повернуть её больше не давали верёвочки и колышки – и возле самой своей головы увидел только что построенный деревянный помост. Несколько человечков прилаживали к нему лестницу.

Потом они убежали, и по ступенькам медленно поднялся на помост человек в длинном плаще.

За ним шёл другой, чуть ли не вдвое меньше ростом, и нёс край его плаща. Наверно, это был мальчик-паж. Он был не больше Гулливерова мизинца.

Последними взошли на помост два стрелка с натянутыми луками в руках.

– Лангро дегюль сан! – три раза прокричал человечек в плаще и развернул свиток длиной и шириной с берёзовый листок.

Сейчас же к Гулливеру подбежали пятьдесят человечков и обрезали верёвки, привязанные к его волосам.

Гулливер повернул голову и стал слушать, что читает человечек в плаще. Человечек читал и говорил долго-долго. Гулливер ничего не понял, но на всякий случай кивнул головой и приложил к сердцу свободную руку.

Он догадался, что перед ним какая-то важная особа, по всей видимости, королевский посол.

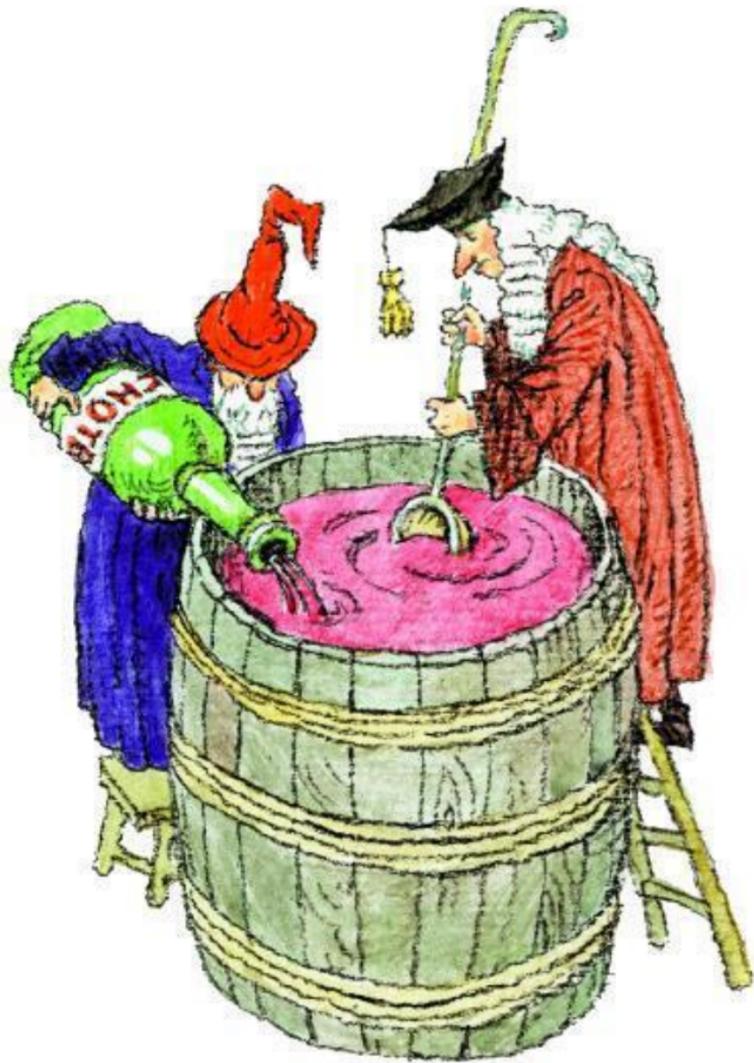
Прежде всего Гулливер решил попросить у посла, чтобы его накормили.

С тех пор как он покинул корабль, во рту у него не было ни крошки. Он поднял палец и несколько раз поднёс его к губам.

Должно быть, человечек в плаще понял этот знак. Он сошёл с помоста, и тотчас же к бокам Гулливера приставили несколько длинных лестниц.

Не прошло и четверти часа, как сотни сгорбленных носильщиков потащили по этим лестницам корзины с едой.

В корзинах тысячи хлебов величиной с горошину, целые окорока – с грецкий орех, жареные цыплята – меньше нашей мухи.

Гулливер проглотил разом два окорока вместе с тремя хлебцами. Он съел пять жареных быков, восемь вяленых баранов, девятнадцать копчёных поросят и сотни две цыплят и гусей.

Скоро корзины опустели.

Тогда человечки подкатили к руке Гулливера две бочки с вином. Бочки были огромные – каждая со стакан.

Гулливер вышиб дно из одной бочки, вышиб из другой и в несколько глотков осушил обе бочки.

Человечки всплеснули руками от удивления. Потом они знаками попросили его сбросить на землю пустые бочки.

Гулливер подбросил обе разом. Бочки перекувырнулись в воздухе и с треском покатались в разные стороны.

Толпа на лужайке расступилась, громко крича:
– Бора мевола! Бора мевола!

После вина Гулливеру сразу захотелось спать. Сквозь сон он почувствовал, как человечки бегают по всему его телу вдоль и поперёк, скатываются с боков, точно с горы, щекочут его палками и копьями, прыгают с пальца на палец.

Ему очень хотелось сбросить с себя десяток-другой этих маленьких прыгунов, мешавших ему спать, но он пожалел их. Как-никак, а человечки только что гостеприимно накормили его вкусным, сытным обедом, и было бы неблагородно переломать им за это руки и ноги. К тому же Гулливер не мог не удивляться необыкновенной храбрости этих крошечных людей, бегавших взад и вперёд по груди великана, которому

бы ничего не стоило уничтожить их всех одним щелчком.

Он решил не обращать на них внимания и, одурманенный крепким вином, скоро заснул. Человечки этого только и ждали. Они нарочно подсыпали в бочки с вином сонного порошка, чтобы усыпить своего огромного гостя.

IV

Страна, в которую буря занесла Гулливера, называлась Лилипутия. Жили в этой стране лилипуты. Самые высокие деревья в Лилипутии были не выше нашего куста смородины, самые большие дома были ниже стола. Такого великана, как Гулливер, в Лилипутии никто никогда не видел.

Император приказал привезти его в столицу. Для этого-то Гулливера и усыпили.

Пятьсот плотников построили по приказу императора огромную телегу на двадцати двух колёсах.

Телега была готова в несколько часов, но взвалить на неё Гулливера было не так-то просто.

Вот что придумали для этого лилипутские инженеры.

Они поставили телегу рядом со спящим великаном, у самого его бока. Потом вбили в землю восемьдесят столбиков с блоками наверху и надели на эти блоки толстые канаты с крючками на одном конце. Канаты были не толще обыкновенной бечёвки.

Когда всё было готово, лилипуты принялись за дело. Они

обхватили туловище, обе ноги и обе руки Гулливера крепкими повязками и, зацепив эти повязки крючками, принялись тянуть канаты через блоки.

Девятьсот отборных силачей были собраны для этой работы со всех концов Лилипутии.

Они упирались в землю ногами и, обливаясь потом, изо всех сил тянули канаты обеими руками.

Через час им удалось поднять Гулливера с земли на полпальца, через два часа – на палец, через три – они взвалили его на телегу.

Полторы тысячи самых крупных лошадей из придворных конюшен, каждая ростом с новорождённого котёнка, были запряжены в телегу по десятку в ряд. Кучера взмахнули бичами, и телега медленно покатила по дороге в главный город Лилипутии – Мильдендо.

Гулливер всё ещё спал. Он бы, наверно, не проснулся до конца пути, если бы его случайно не разбудил один из офицеров императорской гвардии.

Это случилось так.

У телеги отскочило колесо. Чтобы приладить его, пришлось остановиться.

Во время этой остановки нескольким молодым людям вздумалось посмотреть, какое лицо у Гулливера, когда он спит. Двое взобрались на повозку и тихонько подкрались к самому его лицу. А третий – гвардейский офицер, – не сходя с коня, приподнялся на стременах и пощекотал ему левую

ноздрю остриём своей пики.

Гулливер невольно сморщил нос и громко чихнул.

«Апчхи!» – повторило эхо.

Храбрецов точно ветром сдуло.

А Гулливер проснулся, услышал, как щёлкают кнутами погонщики, и понял, что его куда-то везут.

Целый день взмыленные лошади тащили связанного Гулливера по дорогам Лилипутии.

Только поздно ночью телега остановилась, и лошадей отпрягли, чтобы накормить и напоить.

Всю ночь по обе стороны телеги стояла на страже тысяча гвардейцев: пятьсот – с факелами, пятьсот – с луками наготове.

Стрелкам приказано было выпустить в Гулливера пятьсот стрел, если только он вздумает пошевелиться.

Когда наступило утро, телега двинулась дальше.

V

Недалеко от городских ворот на площади стоял старинный заброшенный замок с двумя угловыми башнями. В замке давно никто не жил.

К этому пустому замку лилипуты привезли Гулливера.

Это было самое большое здание во всей Лилипутии. Башни его были почти в человеческий рост. Даже такой великан, как Гулливер, мог свободно проползти на четвереньках в его двери, а в парадной зале ему, пожалуй, удалось бы вытянуться во весь рост.

Здесь собирался поселить Гулливера император Лилипутии.

Но Гулливер этого ещё не знал. Он лежал на своей телеге, а со всех сторон к нему бежали толпы лилипутов.

Конная стража отгоняла любопытных, но всё-таки добрых десять тысяч человечков успели прогуляться по ногам Гулливера, по его груди, плечам и коленям, пока он лежал свя-

занный.

Вдруг что-то стукнуло его по ноге. Он чуть приподнял голову и увидел несколько лилипутов с засученными рукавами в чёрных передниках. Крошечные молоточки блестели у них в руках. Это придворные кузнецы заковывали Гулливера в цепи.

От стены зámка к его ноге они протянули девяносто одну цепочку такой толщины, как делают обыкновенно для часов, и замкнули их у него на щиколотке тридцатью шестью тысячами замками. Цепочки были такие длинные, что Гулливер мог гулять по площадке перед зámком и свободно вползать в свой дом.

Кузнецы кончили работу и отошли. Стража перерубила верёвки, и Гулливер встал на ноги.

– А-ах, – закричали лилипуты, – Куинбус Флестрин! Куинбус Флестрин!

По-лилипутски это значит: «Человек-Гора! Человек-Гора!»

Гулливер осторожно переступил с ноги на ногу, чтобы не раздавить кого-нибудь из местных жителей, и осмотрелся кругом.

Никогда ещё ему не приходилось видеть такую красивую страну. Сады и луга были здесь похожи на пёстрые цветочные клумбы. Реки бежали быстрыми, чистыми ручейками, а город вдали казался игрушечным.

Гулливер так загляделся, что не заметил, как вокруг него собралось чуть ли не всё население столицы.

Лилипуты копошились у его ног, щупали пряжки башмаков и так задирали головы, что шляпы валялись на землю.

Мальчишки спорили, кто из них добросит камень до самого носа Гулливера.

Учёные толковали между собой, откуда взялся Куинбус Флестрин.

– В наших старых книгах написано, – сказал один учёный, – что тысячу лет тому назад море выбросило к нам на берег страшное чудовище. Я думаю, что и Куинбус Флестрин вынырнул со дна моря.

– Нет, – отвечал другой учёный, – у морского чудовища должны быть жабры и хвост. Куинбус Флестрин свалился с Луны.

Лилипутские мудрецы не знали, что на свете есть другие страны, и думали, что везде живут одни лилипуты.

Учёные долго ходили вокруг Гулливера и качали головами, но так и не успели решить, откуда взялся Куинбус Флестрин.

Всадники на вороных конях с копьями наперевес разогнали толпу.

– Пеплам селян! Пеплам селян! – кричали всадники.

Гулливер увидел золотую коробочку на колёсах. Коробочку везла шестёрка белых лошадей. Рядом, тоже на белой лошади, скакал человек в золотом шлеме с пером.

Человек в шлеме подскакал прямо к башмаку Гулливера и осадил своего коня. Конь захрапел и взвился на дыбы.

Сейчас же несколько офицеров подбежали с двух сторон к всаднику, схватили его лошадь под уздцы и осторожно отвели подальше от Гулливеровой ноги.

Всадник на белой лошади был император Лилипутии. А в золотой карете сидела императрица.

Четыре пажа разостлали на лужайке бархатный лоскут, поставили маленькое золочёное креслице и распахнули дверцы кареты.

Императрица вышла и уселась в кресло, расправив платье. Вокруг неё на золотых скамеечках уселись её придворные дамы.

Они были так пышно одеты, что вся лужайка стала похожа на разостланную юбку, вышитую золотом, серебром и разно-

цветными шелками.

Император спрыгнул с коня и несколько раз обошёл вокруг Гулливера. За ним шла его свита.

Чтобы лучше рассмотреть императора, Гулливер лёг на бок.

Его величество был по крайней мере на целый ноготь выше своих придворных. Он был ростом в три с лишним пальца и, наверно, считался в Лилипутии очень высоким челове-

ком.

В руке император держал обнажённую шпагу чуть покорооче вязальной спицы. На её золотой рукоятке и ножнах блестяли бриллианты.

Его императорское величество закинул голову назад и о чём-то спросил Гулливера.

Гулливер не понял его вопроса, но на всякий случай рассказал императору, кто он такой и откуда прибыл.

Император только пожал плечами.

Тогда Гулливер рассказал то же самое по-голландски, по-латыни, по-гречески, по-французски, по-испански, по-итальянски и по-турецки.

Но император Лилипутии, как видно, не знал этих языков. Он кивнул Гулливеру головой, вскочил на коня и помчался обратно в Мильдендо. Вслед за ним уехала императрица со своими дамами.

А Гулливер остался сидеть перед замком, как цепная собака перед будкой.

К вечеру вокруг Гулливера столпилось по крайней мере триста тысяч лилипутов – все городские жители и все крестьяне из соседних деревень.

Каждому хотелось посмотреть, что такое Куинбус Флестрин – Человек-Гора.

Гулливера охраняла стража, вооружённая копьями, луками и мечами. Страже было приказано никого не подпускать к Гулливеру и смотреть за тем, чтобы он не сорвался с цепи и не убежал.

Две тысячи солдат выстроились перед замком, но всё-таки кучка горожан прорвалась сквозь строй.

Одни осматривали каблуки Гулливера, другие швыряли в него камешки или целились из луков в его жилетные пуго-

вицы.

Меткая стрела поцарапала Гулливеру шею, вторая стрела чуть не попала ему в левый глаз.

Начальник стражи приказал поймать озорников, связать их и выдать Куинбусу Флестрину.

Это было страшнее всякого другого наказания.

Солдаты связали шестерых лилипутов и, подталкивая тупыми концами пик, пригнали к ногам Гулливера.

Гулливер нагнулся, сгрёб всех одной рукой и сунул в кар-

ман своего камзола.

Только одного человечка он оставил у себя в руке, осторожно взял двумя пальцами и стал рассматривать.

Человечек ухватился за палец Гулливера обеими руками и пронзительно закричал.

Гулливеру стало жаль человечка. Он ласково улыбнулся

ему и достал из жилетного кармана перочинный ножик, чтобы разрезать верёвки, которыми были связаны руки и ноги лилипута.

Лилипут увидел блестящие зубы Гулливера, увидел

огромный нож и закричал ещё громче. Толпа внизу совсем притихла от ужаса. А Гулливер тихонько перерезал одну верёвку, перерезал другую и поставил человечка на землю.

Потом он по очереди отпустил и тех лилипутов, которые метались у него в кармане.

– Глюм глефф Куинбус Флестрин! – закричала вся толпа.

По-лилипутски это значит: «Да здравствует Человек-Гора!»

А начальник стражи послал во дворец двух своих офицеров, чтобы доложить обо всём, что случилось, самому императору.

VI

Между тем во дворце Бельфаборак, в самой дальней зале, император собрал тайный совет, чтобы решить, что делать с Гулливером.

Министры и советники спорили между собой девять часов.

Одни говорили, что Гулливера надо поскорее убить. Если Человек-Гора порвёт свою цепь и убежит, он может растоптать всю Лилипутию. А если он не убежит, то империи грозит страшный голод, потому что каждый день он будет съедать больше хлеба и мяса, чем нужно для прокормления тысячи семисот двадцати восьми лилипутов. Это высчитал один учёный, которого пригласили в тайный совет, потому

что он очень хорошо умел считать.

Другие доказывали, что убить Куинбуса Флестрина так же опасно, как и оставить в живых. От разложения такого громадного трупa может начаться чума не только в столице, но и во всей империи.

Государственный секретарь Рельдрессель попросил у императора слова и сказал, что Гулливера не следует убивать по крайней мере до тех пор, пока не будет построена новая крепостная стена вокруг Мильдендо. Человек-Гора съедает хлеба и мяса больше, чем тысяча семьсот двадцать восемь лилипутов, но зато он, верно, и работать будет по крайней мере за две тысячи лилипутов. Кроме того, в случае войны он может защитить страну лучше, чем пять крепостей.

Император сидел на своём троне под балдахинoм и слушал, что говорят министры.

Когда Рельдрессель кончил, он кивнул головой. Все поняли, что слова государственного секретаря ему понравились.

Но в это время встал со своего места адмирал Скайреш Болголам, командир всего флота Лилипутии.

– Человек-Гора, – сказал он, – самый сильный из всех людей на свете, это правда. Но именно поэтому его и следует казнить как можно скорее. Ведь если во время войны он вздумает присоединиться к врагам Лилипутии, то десять полков императорской гвардии не смогут с ним справиться. Сейчас он ещё в руках лилипутов, и надо действовать, пока не поздно.

Казначей Флимнап, генерал Лимток и судья Бельмаф согласились с мнением адмирала.

Император улыбнулся и кивнул адмиралу головой – и даже не один раз, как Рельдресселю, а два раза. Видно было, что эта речь понравилась ему ещё больше.

Судьба Гулливера была решена.

Но в это время дверь открылась, и в залу тайного совета вбежали два офицера, которых прислал к императору начальник стражи. Они стали перед императором на колени и доложили о том, что случилось на площади.

Когда офицеры рассказали, как милостиво обошёлся Гулливер со своими пленниками, государственный секретарь Рельдрессель опять попросил слова.

Он произнёс ещё одну длинную речь, в которой доказывал, что бояться Гулливера не следует и что живой он будет гораздо полезнее императору, чем мёртвый.

Император решил помиловать Гулливера, но приказал отнять у него огромный нож, о котором только что рассказали офицеры стражи, а заодно и всякое другое оружие, если оно будет найдено при обыске.

VII

Обыскать Гулливера было поручено двум чиновникам.

Знаками они объяснили Гулливеру, чего требует от него император.

Гулливер не стал с ними спорить. Он взял обоих чиновников в руки и опустил сначала в один карман кафтана, а затем в другой, а потом перенёс их в карманы штанов и жилета.

Только в один потайной карман Гулливер не пустил чиновников. Там были у него спрятаны очки, подзорная труба и компас.

Чиновники принесли с собой фонарь, бумагу, перья и чернила. Целых три часа возились они в карманах у Гулливера, рассматривали вещи и составляли опись.

Окончив свою работу, они попросили Человека-Гору вынуть их из последнего кармана и спустить на землю.

После этого они поклонились Гулливеру и понесли составленную ими опись во дворец.

Вот она – слово в слово:

Опись предметов, найденных в карманах Человека-Горы:

1. В правом кармане кафтана мы нашли большой кусок грубого холста, который по своей величине мог бы служить ковром для парадной залы дворца Бельфаборак.

2. В левом кармане обнаружили огромный серебряный сундук с крышкой. Эта крышка так тяжела, что мы сами не могли поднять её. Когда по нашему требованию Куинбус Флестрин приподнял крышку своего сундука, один из нас забрался внутрь и тут же погрузился выше колен в какую-то жёлтую пыль. Целое облако этой пыли поднялось вверх и заставило нас чихать до слёз.

3. В правом кармане штанов находится огромный нож. Если поставить его стоймя, он окажется выше человеческого роста.

4. В левом кармане штанов найдена невиданная в наших краях машина из железа и дерева. Она так велика и тяжела, что, несмотря на все наши усилия, нам не удалось сдвинуть её с места. Это помешало нам осмотреть машину со всех сторон.

5. В правом верхнем кармане жилета оказалась целая кипа

прямоугольных, совершенно одинаковых листов, сделанных из какого-то неизвестного нам белого и гладкого материала. Вся эта кipa – вышиною в половину человеческого роста и толщиной в три обхвата – прошита толстыми верёвками. Мы внимательно осмотрели несколько верхних листов и заметили на них ряды чёрных таинственных знаков. Мы полагаем, что это буквы неизвестной нам азбуки. Каждая буква величиной с нашу ладонь.

6. В левом верхнем кармане жилета мы нашли сеть размерами не менее рыболовной, но устроенную так, что она может закрываться и открываться наподобие кошелька. В ней лежит несколько тяжёлых предметов из красного, белого и жёлтого металла. Они разной величины, но одинаковой формы – круглые и плоские. Красные – вероятно, из меди. Они

так тяжелы, что мы вдвоём едва могли поднять такой диск. Белые – очевидно, серебряные – поменьше. Они похожи на щиты наших воинов. Жёлтые – должно быть, золотые. Они немногим больше наших тарелок, но очень увесисты. Если только это настоящее золото, то они должны стоить очень дорого.

7. Из правого нижнего кармана жилета свешивается толстая металлическая цепь, по-видимому, серебряная. Эта цепь прикреплена к большому круглому предмету, находящемуся в кармане и сделанному из того же металла. Что это за предмет, неизвестно. Одна его стенка прозрачна, как лёд, и сквозь неё отчётливо видны двенадцать чёрных знаков, расположенных по кругу, и две длинные стрелы.

Внутри этого круглого предмета, очевидно, сидит какое-то таинственное существо, которое не переставая стучит

не то зубами, не то хвостом. Человек-Гора объяснил нам – частью словами, а частью движениями рук, – что без этого круглого металлического ящика он бы не знал, когда ему вставать утром и когда ложиться вечером, когда начинать работу и когда её кончать.

8. В левом нижнем кармане жилета мы видели вещь, похожую на решётку дворцового сада. Острыми прутьями этой решётки Человек-Гора расчёсывает себе волосы.

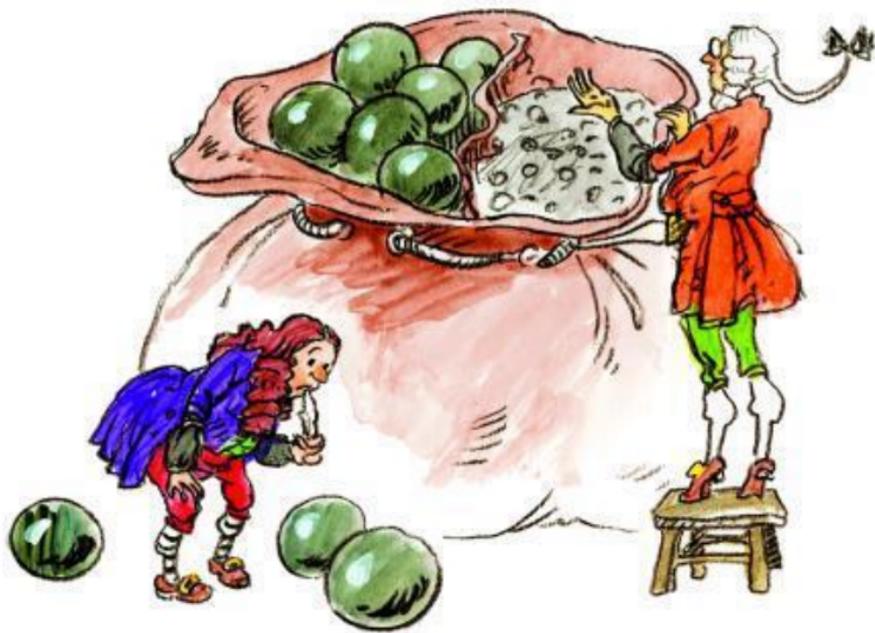
9. Закончив обследование камзола и жилета, мы осмотрели пояс Человека-Горы. Он сделан из кожи какого-то громадного животного. С левой стороны на нём висит меч длиной в пять раз более среднего человеческого роста, а с правой – мешок, разделённый на два отделения. В каждом из них можно легко поместить троих взрослых лилипутов.

В одном из отделений мы нашли множество тяжёлых и гладких металлических шаров величиной с человеческую голову; другое до краев полно какими-то чёрными зёрнами, довольно лёгкими и не слишком крупными. Мы могли поместить у себя на ладони несколько десятков этих зёрен.

Такова точная опись вещей, найденных при обыске у Человека-Горы. Во время обыска вышеназванный Человек-Гора вёл себя вежливо и спокойно.

Под описью чиновники поставили печать и подписались:
Клефрин Фрелок, Марси Фрелок.

VIII

На другое утро перед домом Гулливера выстроились войска, собрались придворные. Приехал и сам император со свитой и министрами.

В этот день Гулливер должен был отдать императору Ли-

липутии своё оружие.

Один чиновник громко читал опись, а другой бегал по Гулливеру из кармана в карман и показывал ему, какие вещи нужно доставать.

– Кусок грубого холста! – прокричал чиновник, читавший опись.

Гулливер положил на землю свой носовой платок.

– Серебряный сундук!

Гулливер вынул из кармана табакерку.

– Кипа гладких белых листов, прошитых верёвками!

Гулливер бережно положил рядом с табакеркой свою записную книжку.

– Длинный предмет, похожий на садовую решётку.

Гулливер достал гребешок.

– Кожаный пояс, меч, двойной мешок с металлическими шарами в одном отделении и чёрными зёрнами – в другом!

Гулливер отстегнул пояс и опустил его на землю вместе со своим кортиком и мешочками, в которых лежали пули и порох.

– Машина из железа и дерева! Рыболовная сеть с круглыми предметами из меди, серебра и золота! Огромный нож! Круглый металлический ящик!

Гулливер вытащил пистолет, кошелёк с монетами, карманный ножик и часы. Император прежде всего осмотрел нож и кортик, а потом приказал Гулливеру показать, как стреляют из пистолета.

Гулливер послушался. Он зарядил пистолет одним только порохом – порох у него в пороховнице остался совершенно сухим, потому что крышка завинчивалась наглухо, – поднял пистолет и выстрелил в воздух.

Раздался оглушительный грохот. Множество людей упало в обморок, а император побледнел, закрыл лицо руками и долго не решался открыть глаза.

Когда дым рассеялся и все успокоились, повелитель Лилипутии приказал увезти в арсенал нож, кортик и пистолет. Остальные вещи Гулливеру отдали обратно.

IX

Целых полгода прожил Гулливер в плену.

Шестеро самых знаменитых учёных каждый день приходили в замок учить его лилипутскому языку.

Через три недели он стал хорошо понимать, что говорят вокруг, а месяца через два и сам научился разговаривать с жителями Лилипутии.

На первых же уроках Гулливер затвердил одну фразу, которая нужна была ему больше всего: «Ваше величество, я умоляю вас отпустить меня на свободу».

Каждый день на коленях повторял он эти слова императору, но император отвечал всегда одно и то же:

– Люмоз кельмин пессо десмар лон эмпозо!

Это значит: «Я не могу освободить тебя, пока ты не по-

клянёшься мне жить в мире со мной и со всей моей империей».

Гулливер готов был в любую минуту дать клятву, которую от него требовали. Он вовсе и не собирался воевать с маленькими человечками. Но император откладывал церемонию торжественной клятвы со дня на день.

Мало-помалу лилипуты привыкли к Гулливеру и перестали его бояться.

Часто по вечерам он ложился на землю перед своим замком и позволял пятерым или шестерым человечкам плясать у себя на ладони. Дети из Мильдендо приходили играть в прятки у него в волосах.

И даже лилипутские лошади больше не храпели и не становились на дыбы, когда видели Гулливера.

Император нарочно приказал как можно чаще устраивать конные учения перед старым замком, чтобы приучить коней своей гвардии к живой горе.

По утрам всех лошадей из полковых и собственных императорских конюшен проводили мимо ног Гулливера.

Кавалеристы заставляли своих коней перескакивать через его руку, опущенную на землю, а один удалой наездник перескочил даже как-то раз через его ногу, закованную в цепь. Гулливер всё ещё сидел на цепи. От скуки он решился приняться за работу и сам смастерил для себя стол, стулья и кровать.

Для этого ему привезли около тысячи самых больших и

толстых деревьев из императорских лесов.

А постель для Гулливера изготовили лучшие местные мастера. Они принесли в замок шестьсот матрацев обыкновенной лилипутской величины. По сто пятьдесят штук сшили они вместе и сделали четыре больших матраца в рост Гулливера. Их положили один на другой, но всё-таки Гулливеру было жёстко спать.

Таким же образом сделали для него одеяло и простыни.

Одеяло вышло тонкое и не очень тёплое. Но Гулливер был моряк и не боялся простуды.

Обед, ужин и завтрак для Гулливера стряпали триста поваров. Для этого им построили возле замка целую кухонную улицу – по правой стороне шли кухни, а по левую жили повара со своими семьями.

За столом обычно прислуживало не больше ста двадцати лилипутов.

Двадцать человек Гулливер брал в руки и ставил прямо к себе на стол. Остальные сто работали внизу. Одни подвозили кушанья в тачках или подносили на носилках, другие подкатывали к ножке стола бочки с вином.

Со стола вниз были протянуты прочные верёвки, и человечки, которые стояли на столе, с помощью особых блоков втягивали кушанья наверх.

Каждый день на рассвете к старому замку пригоняли целое стадо скота – шесть быков, сорок баранов и много всякой мелкой живности.

Жареных быков и баранов Гулливеру приходилось обычно разрезать на две или даже на три части. Индеек и гусей он отправлял в рот целиком, не разрезая, а мелкую птицу – куропаток, бекасов, рябчиков – глотал по десять, а то и по пятнадцать штук сразу.

Когда Гулливер ел, толпы лилипутов стояли вокруг и смотрели на него. Один раз даже сам император в сопровождении императрицы, принцев, принцесс и всей свиты приехал поглядеть на такое диковинное зрелище.

Гулливер поставил кресла знатных гостей на стол против своего прибора и выпил за здоровье императора, императрицы и всех принцев и принцесс по очереди. Он ел в этот день даже больше обычного, чтобы удивить и позабавить своих гостей, но обед показался ему не таким вкусным, как всегда. Он заметил, какими испуганными и злыми глазами смотрел в его сторону государственный казначей Флимнап.

И в самом деле на другой день казначей Флимнап сделал доклад императору. Он сказал:

– Горы, ваше величество, тем и хороши, что они не живые, а мёртвые, и поэтому их не надо кормить. Если же какая-нибудь гора вдруг оживёт и потребует, чтобы её кормили, благоразумнее сделать её опять мёртвой, чем подавать ей каждый день завтрак, обед и ужин.

Император благосклонно выслушал Флимнапа, но не согласился с ним.

– Не торопитесь, дорогой Флимнап, – сказал он. – Всё в своё время.

Гулливер ничего не знал об этом разговоре. Он сидел возле замка, беседовал со знакомыми лилипутами и с грустью рассматривал большую дыру на рукаве своего кафтана.

Уже много месяцев он, не меняя, носил одну и ту же рубашку, один и тот же кафтан и жилет и с тревогой думал о том, что очень скоро они превратятся в лохмотья.

Он попросил выдать ему какой-нибудь материи потолще на заплатки, но вместо этого к нему явились триста портных. Портные велели Гулливеру опуститься на колени и приставили к его спине длинную лестницу.

По этой лестнице старший портной добрался до его шеи и спустил оттуда, от затылка до полу, верёвку с грузом на конце. Такой длины нужно было сшить кафтан.

Рукава и талию Гулливер измерил сам.

Через две недели новый костюм для Гулливера был готов. Он удался на славу, но был похож на лоскутное одеяло, потому что его пришлось сшить из нескольких тысяч кусков материи.

Рубашку для Гулливера изготовили двести белошвеек. Для этого они взяли самое прочное и грубое полотно, какое только могли достать, но даже его им пришлось сложить в несколько раз, а потом простегать, потому что самый толстый парусный холст в Лилипутии не толще нашей кисеи. Куски этого лилипутского полотна бывают обыкновенно длиной в страницу из школьной тетрадки, а шириной – в полстраницы.

Белошвейки сняли с Гулливера мерку, когда он лежал в постели. Одна из них встала ему на шею, другая на колено. Они взяли за концы длинную верёвку и туго натянули её, а

третья швея маленькой линеечкой измерила длину этой верёвки.

Гулливер разостлал на полу свою старую рубаху и показал её белошвейкам. Они несколько дней осматривали рукава, воротник и складки на груди, а потом в одну неделю очень аккуратно сшили рубашку точно такого же фасона.

Гулливер был очень рад. Он мог наконец с ног до головы одеться во всё чистое и целое. Теперь ему не хватало только шляпы. Но тут его выручил счастливый случай.

Однажды к императорскому двору прибыл гонец с известием, что недалеко от того места, где был найден Человек-Гора, пастухи заметили огромный чёрный предмет с круглым горбом посередине и с широкими плоскими краями.

Сначала местные жители приняли его за морское животное, выброшенное волнами. Но так как горбун лежал совершенно неподвижно и не дышал, то они догадались, что это какая-то вещь, принадлежащая Человеку-Горе. Если его императорское величество прикажет, эту вещь можно доставить в Мильдендо всего на пяти лошадях.

Император согласился, и через несколько дней пастухи привезли Гулливеру его старую чёрную шляпу, потерянную на отмели.

В пути она порядком попортилась, потому что возчики пробили в её полях две дыры и всю дорогу волокли шляпу на длинных верёвках. Но всё-таки это была шляпа, и Гулливер

надел её на голову.

Х

Желая угодить императору и поскорее получить свободу, Гулливер выдумал необыкновенную забаву. Он попросил привезти ему из лесу несколько деревьев потолще и побольше.

На другой день семь возчиков на семи телегах доставили ему брёвна. Каждую телегу тянуло восемь лошадей, хотя брёвна были толщиной в обыкновенную тросточку.

Гулливер выбрал девять одинаковых тросточек и вбил их в землю, расположив правильным четырёхугольником. На эти тросточки он туго-натуго, как на барабан, натянул свой носовой платок.

Получилась ровная, гладкая площадка.

Вокруг неё Гулливер поставил перильца и предложил императору устроить на этой площадке военное состязание.

Императору очень понравилась эта затея.

Он приказал, чтобы двадцать четыре лучших кавалериста в полном вооружении отправились к старому замку, и сам поехал смотреть на их состязания.

Гулливер по очереди поднял всех кавалеристов вместе с лошадьми и поставил их на площадку.

Трубы затрубили. Всадники разделились на два отряда и начали военные действия. Они осыпали друг друга тупыми

стрелами, кололи своих противников тупыми копьями, отступали и нападали.

Император остался так доволен военной потехой, что стал устраивать её каждый день.

Один раз он даже сам командовал атакой на носовом платке Гулливера.

Гулливер держал в это время на ладони кресло, в котором сидела императрица. Отсюда ей было лучше видно, что делается на платке.

Всё шло хорошо. Только раз, во время пятнадцатых манёвров, горячая лошадь одного офицера пробила копытом платок, споткнулась и опрокинула своего седока.

Гулливер прикрыл левой рукой дыру в платке, а правой осторожно спустил на землю всех кавалеристов одного за другим.

После этого он аккуратно заштопал платок, но, уже не надеясь на его прочность, не решался больше устраивать на нём военные игры.

XI

Император не остался в долгу у Гулливера. Он в свою очередь решил позабавить Куинбуса Флестрина интересным зрелищем.

Однажды под вечер Гулливер, по обыкновению, сидел на пороге своего замка.

Вдруг ворота Мильдендо отворились, и оттуда выехал целый поезд: впереди на коне император, за ним – министры, придворные и гвардейцы. Все они направились по дороге, которая вела к замку.

В Лилипутии существует такой обычай. Когда какой-нибудь министр умирает или получает отставку, пять или шесть лилипутов обращаются к императору с просьбой о том, чтобы он разрешил им повеселить его пляской на канате.

Во дворце, в главной зале, натягивают как можно туже и выше канат не толще обыкновенной нитки для шитья.

После этого начинаются пляски и прыжки.

Тот, кто подпрыгнет на канате выше всех и ни разу не упадёт, занимает освободившееся министерское место.

Иногда император заставляет всех своих министров и придворных плясать на канате вместе с новичками, чтобы проверить ловкость людей, которые правят страной.

Говорят, что во время этих развлечений часто бывают несчастные случаи. Министры и новички падают с каната кувырком и ломают себе шею.

Но на этот раз император решил устроить канатные пляски не во дворце, а под открытым небом, перед замком Гулливера. Ему хотелось удивить Человека-Гору искусством своих министров.

Самым лучшим прыгуном оказался государственный казначей Флимнап. Он подпрыгнул выше всех остальных придворных по крайней мере на полголовы.

Даже государственный секретарь Рельдрессель, знаменитый в Лилипутии своим умением кувыркаться и прыгать, не мог его перещеголять.

Потом императору подали длинную палку. Он взял её за один конец и стал быстро поднимать и опускать.

Министры приготовились к состязанию, которое потруднее пляски на канате. Надо было успеть перепрыгнуть через палку, как только она опустится, и пролезть под ней на четвереньках, как только она поднимется.

Лучшие прыгуны и пролазы получили от императора в награду синюю, красную или зелёную нитку для ношения вокруг пояса.

Первый пролаза – Флимнап – получил синюю нитку, второй – Рельдрессель – красную, а третий – Скайреш Болголам – зелёную.

Гулливер смотрел на всё это и удивлялся странным придворным обычаям лилипутской империи.

XII

Придворные игры и праздники устраивались чуть ли не каждый день, а всё-таки Гулливеру было очень скучно сидеть на цепи. Он то и дело подавал прошения императору о том, чтобы его освободили и позволили ему свободно разгуливать по стране.

Наконец император решил уступить его просьбам.

Напрасно адмирал Скайреш Болголам, злейший враг Гулливера, настаивал на том, что Куинбуса Флестрина следует не освободить, а казнить.

Так как Лилипутия готовилась в это время к войне, никто не согласился с Болголамом. Все надеялись, что Человек-Гора защитит Мильдендо, если на город нападут враги.

В тайном совете прочитали прошения Гулливера и решили отпустить его на свободу, если он даст клятву соблюдать все правила, которые будут ему объявлены.

Правила эти были записаны самыми крупными буквами на длинном свитке пергамента.

Наверху был императорский герб, а внизу большая государственная печать Лилипутии.

Вот что было написано между гербом и печатью:

«Мы, Гольбасто Момарен Эвлем Гердайло Шефин Молли Олли Гой, могущественный император великой Лилипутии, отрада и ужас Вселенной, самый мудрый, самый сильный и самый высокий из всех царей мира, чьи ноги упираются в сердце земли, а голова достигает солнца, чей взгляд приводит в трепет всех земных царей, прекрасный, как весна, благостный, как лето, щедрый, как осень, и грозный, как зима, высочайше повелеваем освободить Человека-Гору от цепей, если он даст нам клятву исполнять всё, что мы от него потребуем, а именно:

во-первых, Человек-Гора не имеет права выезжать за пределы Лилипутии, пока не получит от нас разрешения с нашей собственноручной подписью и большой печатью;

во-вторых, он не должен входить в нашу столицу, не пре-

дупредив о том городские власти, а предупредив, должен два часа ждать у главных ворот, дабы все жители успели спрятаться в дома;

в-третьих, ему разрешается гулять только по большим дорогам и запрещается топтать леса, луга и поля;

в-четвёртых, во время прогулок он обязан внимательно смотреть себе под ноги, чтобы не раздавить кого-нибудь из наших любезных подданных, а также их лошадей с каретами и телегами, их коров, овец и собак;

в-пятых, ему строго запрещается брать в руки и сажать к себе в карманы жителей нашей великой Лилипутии без их на то согласия и разрешения;

в-шестых, если нашему императорскому величеству потребуется послать куда-либо спешную весть или какой-либо приказ, Человек-Гора обязуется доставить нашего гонца вместе с его лошадьёю и пакетом до указанного места и принести назад в целости и сохранности;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.